

Екатерина Богданова

Екатерина Богданова

ВЕДЬМИНЫ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ,
или
КАК СИТА ОХОТИЛАСЬ
НА ДИРЕКТОРА

Роман

Москва, 2015
 ЭРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б73

Художник
С. А. Григорьев

Богданова Е.

Б73 Ведьмины приключения, или Как Сита охотилась на директора: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 282 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2116-9

«Кому сейчас легко? Да всем по сравнению со мной!» — так думала молодая ведьмочка Кумпарсита, не по своей воле попав в магическое училище в поселке Ведуны.

Теперь так думают все обитатели Ведунов!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Екатерина Богданова, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2116-9

ПРОЛОГ

— Все, Параська! Кончилось мое терпение, поедешь в Ведуны учиться! — Бабуля подперла кулаками тощие бока и сделала страшное лицо. Ну, это она думает, что страшное. А лично мне было бы смешно, если бы она не назвала меня так.

— Бусь, не бузи, а? И не называй меня Параськой! Меня это бесит! Я Сита! В крайнем случае — Кумпарсита, спасибо папочке, р-р-р...

В подтверждение моего праведного гнева незапланированно включилась посудомойка и открылся водопроводный кран.

— Вот! Вот об этом и речь, — продолжала бушевать буся.

Бабушка у меня добрая, но ведьма она. Как есть ведьма, что по сути, что по призванию. Одно плохо, не простая ведьма, а потомственная. Вот и мне досталось от щедрот. Я ж потомство, а значит, тоже ведьма. Мама поступила мудро — ушла в лучший мир и теперь только изредка приходит проведать, а я тут с бусей воюю. Не хочет она, видите ли, чтобы я неучем осталась и дар свой великий принесла в жертву индустриальной культуре нашего немагического мира. Только мне этот дар вообще не нужен. Я смогла пробиться в РУДН на бесплатное, и теперь меня оттуда фиг кто выковыряет, вот! А буся заладила со своей шарагой. Сама там отучилась, и что? Трешка в спальном районе, испортившийся от постоянного общения с повернутыми на магии психами характер и пенсия-минималка. Красота-а-а! Ну бывает, не сдержусь иногда, сломаю что-нибудь случайно или напугаю кого. Так бабуля память подчистит, и все дела. А тут уперлась — идешь в Ведуны, и все тут.

Стоим с бусей посреди кухни с видом «врагу не сдастся наш гордый «Варяг» и взглядами бодаемся. От бодания отвлек мобильник, заоравший на всю кухню: «О боже, какой мужчина...». Да-а-а, Макс — парень хоть куда, одно плохо — он об этом знает.

— Бусь, пять сек, я отвечу, и продолжим в казаков-разбойников играть, — и в трубку: — Я вас...

А трубка сообщает мне голосом великолепного Максика, что он таки урвал у перекупщиков билеты в третий ряд на «Золотой граммофон», и теперь я ему должна.

— А-а-а!!! — завопила, прыгая по кухне и расцеловывая бабулю. — Я в теме! Я буду в ящике! Бусь, давай позже поругаемся, лады? Мне сейчас позарез насчет платья перетереть надо.

— Тьфу, слушать противно. Ну ничего, в Ведунах тебя научат правильно изъясняться.

— Ага, научат, — поддакиваю бусе, не особо слушая, о чем она там лопочет, и ищу в телефоне номер Ритки Звельнер, она хвасталась, что ее папандр из Парижа модельных шмоток ворох припер. А у нас телосложение почти одинаковое, так что Ритулька попала.

— Так ты согласна? — гнет свою линию буся.

— Да, — ответила я мобиле, махнула бабуле рукой, мол, потом договорим, и пошла на балкон окучивать Ритку.

Рита сдалась после того, как я напомнила, у кого она якобы ночует, когда устраивает рейды по клубам. И, окрыленная предвкушением своего триумфа, завалилась в ванну, предварительного взбив пену взглядом. Перестаралась, правда, пришлось лишнюю в раковине смывать.

Включила любимую подборку зарубежек, нацепила наушники и начала кайфовать. И, как всегда, уснула где-то на третьей песне.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**Не родись... в общем, не родись,
а коли родился — мучайся!**

— Девушка, девушка. Просыпайтесь, приехали, — кто-то настойчиво тряс меня за плечо.

— Бусь, еще немного поваляюсь, — пробурчала я и резко открыла глаза. — Что за... Вы кто?

Передо мной стояла здоровая тетка с висящей на плече потрепанной сумкой, из которой торчал краешек ленты отрывных талонов на проезд. Огляделась. Я сидела в старом, грязном автобусе, на соседнем сиденье стояла моя дорожная сумка с гордым значком «Nike», приобретенная на китайском рынке, и больше в автобусе никого не было.

— Приехали, говорю. Конечная. Вылезайте, нам на базу пора.

Еще раз огляделась и поняла!

— Ну, бабуля! Ты у меня еще попляшешь!

Буся таки отправила меня в свою шарагу.

— Выметайся, соплячка! — возмутилась тетка. — Я те покажу бабулю!

Я подскочила и рванула на выход. Кто ж знал, что эта необъятная тетя мои слова на свой счет примет. Вывалилась из автобуса и утонула новыми кроссами в пятисантиметровом слое дорожной пыли. И чуть не приложилась носом в эту пыль, когда по спине шарахнуло выброшенной вдогонку сумкой. Дверь закрылась, и автобус укатил в неизвестном направлении.

Так, а куда меня-то занесло? Осмотрелась и поняла, что я в лесу. Дорога была узкой и ухабистой, напротив меня стоял покосившийся козырек остановки, надпись на котором гласила: «Дачный поселок ...едуны». На месте буквы «В» зияла

проеденная ржавчиной дыра. Вот я попала! И где эти едуны? Повертела головой и заметила две колеи, уводящие вглубь леса. Подобрала сумку, отряхнула от пыли, чихнула пару раз и потопала навстречу неприятностям.

Неприятности оказались совсем недалеко, прямо за поворотом. Покосившийся не крашенный дощатый забор, ворота, тоже не первой свежести, и написанное грязно-желтой краской прямо на них «Ведуны». Хоть здесь все буквы на месте. Бодро подошла к архитектурному ископаемому и толкнула створки. Ага, размечталась! Ворота оказались заперты. Поколотила по жалобно скрипящим доскам, поорала всякий бред вроде «Открывайте, а то сама войду» или «Люди-и-и, вы где? Я ведьма, впустите, пожалуйста». Никто не проникся ни угрозами, ни мольбами, а комары уже основательно обкусили все, до чего могли добраться.

— Ах так, значит? — разозлилась я. — Да кому вы нужны? Сейчас выйду на нормальную дорогу и стопану кого-нибудь. Попрятались за воротами! Да чтоб их разорвало! — пнула кривую створку и отвернулась.

А за спиной раздался треск, очень ломающиеся доски напоминающий. Медленно развернулась и узрела... Кранты мне!

Я сидела в обычной, ничем не отличающейся от других преподавательской. А эти самые преподы, в количестве семи штук, пялились на меня, как на восьмое чудо света, и чего-то ждали. Дождались. В кабинет влетела растрепанная запыхавшаяся тетка с листком в руке.

— Вот, по факсу пришло. Ух, дайте отдышаться. Сверху приказ директору пришел, а его другим листом накрыло, я и не заметила.

— Бардак у вас тут, уважаемые! — авторитетно заявила я. — Меня такое учебное заведение не устраивает, отправляйте-ка меня домой.

Самый дряхлый из присутствующих здесь старичков протянул руку, и секретарша отдала ему свою находку. Дедуля, который, видимо, был ровесником разнесенных мною в щепки ворот, нацепил на нос очки с толстенными линзами и начал изучать бумаженцию. Получалось у него не очень,

руки тряслись, и листок трепыхался, как простыня на ветру. Все молчали, выжидательно глядя на старичка. Он пожевал губами, положил листок на стол и скрипучим слабым голосом произнес:

— Видишь ли, Кумпарсита, я уже месяц как на пенсии и не имею права ни принять тебя на обучение, ни отчислить. Запрос бабушка прислала? — Я кивнула. — Так вот, запрос твоя бабушка составила грамотно, отпущу я тебя, ты где-нибудь нахулиганишь, а мне потом отвечать? Вот приедет новый директор, он и решит. А ты пока, детонька, здесь поживи, пообвыкнись. Глядишь, еще и не захочешь уезжать-то.

— И когда этот ваш новый директор приедет? — недовольно спросила, уже догадываясь, что бабуля меня на принудительное обучение по причине угрозы обществу записала. Вот удружила! Теперь мне здесь не меньше семестра куковать, потому что ни один директор с такой формулировкой заявления сразу меня не отпустит. Сначала присмотрится, убедится, что я не опасна для окружающих и не рассекретчу существование магмира, и только потом, может быть, меня отправят домой со справкой о соцпригодности. Короче, невезуха полная!

— Так он, директор новый, еще на прошлой неделе должен был прибыть, да задержался. Позвонил и предупредил, что к началу учебного года точно будет, — ответила на мой вопрос секретарша.

Ага, а у нас сегодня какое число? Достала мобильник, связи конечно же нет, только экстренная. В девять-одиннадцать позвонить, что ли? Может, заберут меня отсюда, если скажу, что эти похитили? А число сегодня — двадцать пятое августа.

— А студенты где? У вас здесь глухо, как в танке.

— Так через пару дней прибывать начнут, — всплеснула руками все та же секретарша.

А преподавы сидят, смотрят на меня круглыми глазами и молчат.

— Пойдем, я тебя в общежитии размещу. Куда ее, Федор Генрихович, на ведическое? — это она у бывшего начальства спросила.

— Даже и не знаю, после ворот-то, — развел руками Генрихович. — Сели пока к ведьмам. Потом разберетесь.

Я подхватила пыльную сумку и потопала за деятельной теткой. Хоть кто-то здесь в адеквате. Мы вышли из единственного в «дачном поселке» одноэтажного здания, ну кроме хозпостроек, и пошли к стоящим на отшибе трем пятиэтажкам.

— Это общежитие ведунов, — показала секретарша на одно из зданий.

— А остальные? — Я правда удивилась. Это же ведическое училище, значит, здесь все ведуны.

— Вон то для кинэтиков, — тетка показала на соседний дом. — А это, — ткнула пальцем в самую страшную, обшарпанную и покрытую плесенью пятиэтажку, — видящие заселяют. Ты туда лучше не ходи и на болтовню их внимания не обращай.

— Так здесь что, помимо ведунов, еще кто-то учится?

И что за звери здесь еще водятся? Куда меня буся сбагрила? Но это я только подумала, не хотелось обижать единственного нормального человека среди «дачников».

— Конечно! — гордо заявила секретарша. — Кинэтический курс это те, кто обладает телекинезом, пирокинезом и прочими слабomagическими талантами. И видящие это те, кто видит призраков, будущее и прошлое.

Тетка затихла и уставилась на меня, видно ожидая щенячьего восторга по поводу продвинутости их шараги.

— А как вас зовут? — спросила, чтобы знать, кого напрягать, если что-то понадобится. Неизвестно еще, чего мне бабуля в сумку напихала.

Секретарша, по-моему, обиделась, что я не прониклась обширностью специализаций сего учебного заведения, и недовольно пробурчала:

— Ирина Алексеевна я.

— Вот и чудненько. А меня Ситой можете называть.

— Проходи, Кумпарсита, — мстительно заявила Алексеевна, открывая передо мной железную дверь с напрочь снесенным кодовым замком.

Меня загнали на пятый этаж, как говорится, выше только звезды. Эх, плакал мой «Золотой граммофон».

— Пока одна будешь, а там видно будет. Может, кого подселим, — сказала Ирина Алексеевна, отдавая мне ключ от комнаты с двумя двухъярусными кроватями, стареньким холодильником, шатающимся столом и четырьмя стульями, два из которых были колченогими.

— А я есть хочу! — вспомнила о насущном.

— Столовая пока не работает, будешь с нами питаться. Подходи к преподавательской в семь часов.

И секретарша ушла. Вот чего мне стоило повосхищаться их шарагой? Теперь дуться будет.

Обыскала сумку и обнаружила все, что нужно для счастья! Любимые домашние шмотки, плеер со всеми своими флешками, ну и средства гигиены. Застелила откопанным со дна сумки любимым бельем с дельфинами постель и завалилась слушать музыку.

— Ишь, развалилась! Понаселили тут бездарей, — донеслось с верхней койки.

Я встала, заглянула на второй ярус и настолько обалдела, что села на пол.

На кровати развалился здоровенный длинноволосый парень в одних трусах. Только он был прозрачный, как мама, когда меня навещала. Короче, в моей комнате на кровати валялось натуральное привидение в трусах. Это уже абзац полный!

— Чего пялишься? Мужика никогда не видела? — продолжил наезд здоровяк. Ха, привидение — здоровяк.

— Такого не видела, — честно призналась. — Все чаще как-то живые попадались.

— Ну и зря! — заявил тип в трусах. — Много потеряла.

— Это вряд ли, — встала с пола, отряхнула шорты и поинтересовалась: — Чего приперся?

— Это я приперся? — натурально взволновалось привидение. Оно пошло волнами, отлепилось от койки и спустилось ко мне. — Я здесь уже, знаешь сколько живу?

— Сколько? — А про себя подумала: «Это ты загнул — «живу».

— Много! — гордо выпятив волосатую прозрачную грудь, оповестил призрак.

Да-а-а, эта птица говорун умом и сообразительностью явно не отличается.

— Ну так дай другим пожить. Выметайся давай!

Страха я совсем не испытывала. Мамины визиты приучили к такому зрелищу, как полупрозрачный собеседник. А вот неудобно было. Это, как ни крути, мужчина, и неизвестно, сколько он тут провалялся, а я недавно переодевалась. Нет, я далеко не скромница, но бегать топлес перед незнакомым мужиком, пусть и бестелесным, это уже перебор.

— Как это выметайся? Я никуда не пойду, я здесь первый был, — удивился амбал.

— А мне теперь что, в коридоре жить? Выметайся, сказала! А то директора позову. — Этот тугодум меня уже реально бесить начал.

— Это кого? Генриховича, что ль? Так он выше второго этажа уже лет десять как не поднимается! Да ты не волнуйся, девонька, соседями будем. — И призрак в трусах громко заржал.

Ладно, потом с этим глюком разберусь. По-любому у них здесь есть какие-то средства борьбы с такими паразитами.

— Ты б оделся, что ли, — сказала, чтоб хоть что-то сказать.

— Так не могу, в чем преставился, в том теперь и живу, — развел руками парень.

Вот интересно, сколько времени с его смерти прошло? Призраки вообще умнеют или нет? Судя по этому индивиду, как был тупым амбалом, так и остался. Вот как можно сказать такую бредятину: «как преставился, так и ЖИВУ»? Тикать отседа надо, как говорит баба Юзя из соседнего подъезда.

— Ну и как тебя кличут, соседушка?

Карлсон, блин, недоделанный. Тот хоть с пропеллером был, а мне в трусах достался!

— Остап, — степенно склонил голову призрачный бугай в семейниках.

— Бендер? — поинтересовалась ради прикола.

— Не-э-э, Селивановы мы, — пробасил Ося.

— Значит, так, Ося, ты сейчас уходишь в стену, ну или в пол, что больше нравится, и не отвечиваешь. Если будешь

хорошо себя вести, так и быть, разрешу в гости заглядывать. А достанешь — развею! — нагло соврала я.

Я ж не ученая ведьма и понятия не имею, как потусторонние сущности развеивать. Вот буся у меня в этом спец. Я ей так и не рассказала про маму. Бабуля свято верит в то, что после смерти остается только отпечаток былой личности, жалкая копия, не имеющая права на существование. Но Ося-то не в курсе, что я неуч. Он моей угрозой проникся и начал медленно проваливаться в пол. Потом вдруг вспыхнул, проявляясь четче, и вынырнул обратно.

— А не развеешь! — подбоченился и выдал: — Ты первокурсница, тебе на территории общежития колдовать запрещено. Сразу отчислят!

— Во-о-от даже как, — протянула я. — Слушай, Ося, да ты гений! Даже, говоришь, за мелкое колдовство отчислят?

— Ну да, — не понял моего воодушевления парень.

— Так это ж то, что доктор прописал! Я им тут такой хэлоуин устрою, что они меня сами умолять будут, чтобы ушла!

На ужин я отправилась в прекрасном настроении, без проблем избавившись от Оси. Я ему просто рассказала, как сюда попала и насколько мне «дорога» эта шарага. На шаругу, кстати, привиденька реально обиделся.

Кормили местных переносчиков знания вполне сносно, и я наслаждалась едой, демонстративно не замечая настроенных взглядов в свою сторону. Ну подумаешь, ворота сломала! Пацаны на отработке новые поставят. Ну рассыпались потом щепки в пепел, так им же лучше. Ветром сдуло и убирать не надо! После ужина подошла к Алексеевне и узнала про завтрак и обед. По соседним комнатам в поисках перекуса не прошвырнешься, там пока никого, столовка закрыта. А я существо нежное и голодать не приученное. Зверею с голодухи, короче.

Ночь прошла тихо и без неживых гостей, да и без живых тоже. А утром проснулась от шума за окном. Я его на ночь открытым оставила. Москитная сетка здесь есть, а свежий воздух хоть немного перебивает общажный, не домашний запах. Выглянула и поняла причину переполоха. Студенты съезжаться начали, а ворот-то нет. Вот они и обсуждают сей

прискорбный факт, выдвигая версии по поводу причины отсутствия одного из местных раритетов.

— Может, на реставрацию забрали? — пискляво предположил какой-то парень.

— Да завалились, скорее всего, — ответила явно девушка.

— Вы что? Они же магией напитаны! Нападение на училище было! Только сильный маг или ведун мог снести защиту и уничтожить ворота, — это был точно старшекурсник, голос у него был уже взрослый, мужской. А вообще, с пятого этажа попробуй разбери, кто из них кто.

— Да кому оно надо? Здесь же ничего ценного не было, — заявила какая-то девица, явно намекая, что ценность здесь всего одна, и это она.

И все умолкли, разбредаясь по общагам. Ох, чую, придется мне еще столкнуться с местной королевой. Ну ничего, мы ей быстро корону на глазенки натянем.

Общежитие наполнилось шумом и голосами студентов. Три верхних этажа были женскими, а потому я сразу направилась к лестнице. Посмотрим, какие в Ведунах ведуны водятся. Встречающиеся по дороге ведьмочки косились, но не заговаривали, а мне это и не нужно было. Надо найти какого-нибудь простоватого болтливового второкурсника и получить от него максимум информации о законах «курятника», а то ж заключают и, как звать, не спросят.

— Ой, какие у нас тут свеженькие ведьмочки завелись, — послышалось из-за спины, когда я уже заходила на второй этаж. — Это ты удачно заблудилась, детка. Пойдем-ка ко мне в комнату, я тебе все про Ведуны расскажу и даже покажу.

Я резко развернулась и узрела поднимающегося по лестнице эдакого парня с обложки. Высокий, в меру мускулистый, коротко остриженные блондинистые вьющиеся волосы, солнцезащитные очки, широкие скулы и белоснежная улыбка во все тридцать два. Одет в облегающие джинсы и футболку-безрукавку. И все это можно описать одним словом — *пикапер*¹.

— Я тебя во дворе не видел. И как такая лапочка ускользнула от меня? — спросил блондин, подойдя ко мне вплот-

¹ Пикапер — соблазнитель (англ.).

ную. — На, в мою комнату отнесешь, — это он проходящему мимо худенькому длинноволосому пареньку. И впихнул не сопротивляющемуся пацану свою огромную сумищу.

Тот пошатнулся, но устоял. Повесил сумку на плечо, второе его собственная оттягивала, и обреченно поплелся дальше.

— Слышь ты, гламур недоделанный, отвали по-хорошему. А во дворе ты меня не видел потому, что я не собираюсь в вашей шараге учиться, — поперла я на красавчика, смутно Макса мне напоминающего. Жалко мне стало того несчастного хлюпика, на которого он свое барахло скинул. А так, может, отстанет и вещички свои сам в комнату потащит.

— Мм, так мы еще и коготки выпускать умеем, — промурлыкал блондин.

— Блонди, отвянь. Не до тебя мне сейчас, — и дунула на парня.

Его снесло к стене, по ней блондинчик и съехал на пол. А по общаге разнесся вой пожарной сигнализации.

Сижу опять в преподавательской. На меня пялятся два дедуся и одна ведьминской наружности бабуся. А мне неудобно, как была в майке, борцовке и коротких шортиках, так и сгребли два дюжих молодца-старшекурсника, представившихся дежурными по общежитию.

— Э-э-э, Кумпарсита, — неуверенно начал один из старичков, — я, как куратор Ведического факультета, должен отреагировать на нарушение непреложного правила. Вы применили магические способности в стенах общежития, не пройдя посвящения и не имея допуска. И я должен вынести на педагогический совет предложение о вашем отчислении.

— Так выносите! — даже радости скрывать не стала.

— Понимаете, Кумпарсита, дело в том, что вы еще не зачислены на мой факультет, и единственное положенное в случае подобного нарушения наказание к вам неприменимо. А потому, — старик замылся, — я принял решение применить другую меру наказания. Сегодня начали съезжаться студенты, а персонал еще не весь вернулся из отпусков, — опять пауза. — В общем, мы приняли решение, что вы будете помогать в столовой. Мыть посуду в течение пяти дней до приезда штатной посудомойки.

— Чего? Вы что, совсем тут в лесу своим умом все тронулись? — Я была в шоке, как та звезда. — Трудовое рабство — это не про меня, уважаемый. Отправляйте меня домой!

— Не могу, — развел руками куратор.

— А где ваш этот, забыла как его, Генрихович? — Может, получится уломать старичка, чтобы задним числом мне справочку оформил.

— Федору Генриховичу, к сожалению, нездоровится, и он не сможет вас принять. Подождите прибытия нового директора. А сейчас идите в столовую, только сначала переоденьтесь, — безапелляционно проговорил старик, и я поняла, что он не так слаб, как кажется на первый взгляд. Сила духа точно на высоте, а тело... а что тело? Маги и ведьмаки после одряхления еще лет пятьдесят белый свет копят. Неужели передо мной ведьмак? Это же вымирающий вид! Сейчас только ведуны остались, а настоящих ведьмаков днем с огнем не сыщешь. Я и спросила прямо в лоб:

— Вы ведьмак?

Старичок вдруг выпрямился, став сантиметров на двадцать выше, расправил плечи и как гаркнет:

— Марш в столовую!

«Не, точно ведьмак», — думала на бегу. Когда он заорал да еще и глазами своими блеклыми на меня засверкал, я так стартанула, что остановилась только перед дверью в общагу.

До комнаты добралась без приключений. Правда, шушукались все за спиной, а одна девица пальцем на меня показала.

Я остановилась и, повернувшись к ней, громко произнесла:

— Еще раз — и откушу по локоть. У нас в семье каннибализм приветствуется.

На этаже воцарилась тишина. И в этой тишине четко прозвучал стук каблуков по бетонному полу.

— Иди вещи собирай, выскочка. — Это у меня за спиной какая-то кобылица подковами цокает.

Повернулась и увидела, похоже, местную королеву. Ярко-рыжие волосы, зеленые глаза, до противного красивая мордашка и печать отсутствия интеллекта в выражении этой мордашки. Зато гонору — вагон с прицепом. Ну и фигурка соответствующая.

— Чего уставилась, убогая? Иди, говорю, вещи собирай. Выперли тебя, вот и нечего тут место занимать, — рыжая картинно встала в позу «я самая-самая», прогнув спину и уперев одну руку в бок.

А я хищно улыбнулась и поперла на королеву с явной целью свергнуть ее с трона. Рыжая взвизгнула и попятилась, спотыкаясь на высоких шпильках.

— Ты одного не учла — я здесь и не училась. И мне ваши законы до лампочки. Так что я тебе сейчас все шпильки вместе с ногами переломаяю, и никто мне ничего не сделает, — продолжаю надвигаться на фифу.

— А ты мне переломать попробуй, — перегородила мне обзор здоровенная, коротко стриженная бабенция в спортивном костюме.

Но наши не отступают, и, окинув деваху изучающим взглядом, я выдаю сакраментальную фразу:

— Это ж сколько мне тебя жрать-то придется? Здесь же полугодовой запас мяса.

На заднем плане кто-то упал в обморок. Бугаистая дивчина тоже попятилась, а рыжая сорвалась на бег в сторону лестницы.

— Уходим, Кристина за куратором побежала, — прошептала одна из зрительниц, и все быстро разбежались по комнатам.

Вот такая занятная встреча получилась. А так, без приключений до комнаты дошла.

А там меня ждал завидный кавалер в неглиже.

— Слушай, а ты правда, того, человетину ешь? — испуганно спросил Ося.

Испуганное привидение — это незабываемое зрелище!

— Человечину, а не человетину, — поучительно проговорила я. — А что, ты никогда не слышал про черных, низших ведьм, которые крадут младенцев?

Ося затрясся и стал почти невидимым.

— Так это же давно было, лет пятьсот уже, как всех поизвели, — неуверенно прошептал привиденька, начиная проваливаться в пол.

— А мы пры-а-атали-и-ись и ждали своего ча-а-аса, — завывая, протянула руки к призраку.

Ося по-девчачьи взвизгнул и окончательно исчез. А я, посмеиваясь, переоделась и пошла искать столовую.

В коридоре поймала первую попавшуюся девчонку с задорными кудрявыми хвостиками и спросила, где эта самая столовая.

— Человечины не перепало, так решила местной стряпней с горя травануться? — подмигнув, спросила кудряшка.

Кажется, я нашла потенциальную союзницу!

Надя, так звали девушку с хвостиками, проводила меня до столовой, а по пути объяснила, где что находится и к кому обращаться по бытовым вопросам.

— А у вас тут домовые не водятся? — Просто бабуля рассказывала, что в Ведунах очень комфортно и уютно, потому что здесь работает бригада домовых, обеспечивая учащихся первоклассным сервисом.

— Раньше, говорят, были. Но бюджет училища урезали, и они ушли, не желая работать задаром. Вместе с ведьмой-хозяйкой отправились в Европу, там магучреждений больше.

Надя отвечала на все вопросы, но ни о чем не спрашивала. Меня это просто покорило, и я пригласила девушку зайти вечером ко мне, послушать музыку и поболтать.

— Только можно я не одна приду? У меня тут сестра-первогодка, шарахается ото всех. Пусть у тебя поучится, как крысятнику отпор давать, — спросила Надя.

— Да пожалуйста, — легко согласилась. — А крысятник — это что?

— Кристина и ее свита, за глаза их называют крысятником, — засмеялась кудряшка. — Во-первых, с именем созвучно, а во-вторых, они преподам на всех стучат. Потому сами и на особом положении.

Мы попрощались у дверей в столовую, и я пошла сдавать-ся в рабство.

Столовая была обычная, общепитовская. Большой зал, заставленный четырехместными столами. Стулья были перевернуты на столах. И зачем я, спрашивается, сейчас-то приперлась? Или у них с прошлого учебного года грязная посуда завалилась? Ввалилась в кухню и с порога заявила:

— Здравс-с-сьи. Я к вам, в трудовое рабство.

На меня ошарашено уставились две здоровые тетки и один щуплый заморенный дядя. Сразу понятно, кто тут стряпню дегустирует, а кто в сторонке облизывается. Это ж надо так мужика заморить!

— Оголодала, чель? — пробасила самая широкая повариха.

— Меня этот... — Блин, как его звать-то? А, какая разница. — Ведьмак к вам посуду мыть отправил.

— Судомойка новая, чель? А Верка ж где? Никак уволили гады! Ты глянь, Тамар, старичье плешивое, а все туда же. Девочек в поселок таскают, да поближе к себе пристраивают! Тыфу! И не совестно тебе? Така молодая и уже приживалка, — разорялась по ходу шеф-повар сего убогого заведеньица.

— Да наказали меня за колдовство в общаге! Вот отправили посудомойкой, пока настоящая из отпуска не вернется, — спокойно объяснила убогим. А чего нервничать-то? На дураков не обижаются.

— Брешешь! — воскликнул subtilный мужичок. — За это дело здесь гонють с ходу!

И я только сейчас заметила, что у этого заморыша вид совсем непрезентабельный. Вещички старые и явно с чужого плеча, жиденькие волосенки неопределенного цвета спутаны, а кожа у недужного с зеленоватым оттенком.

— А это что за зверь? Дядя, тебе бы полечиться. Совсем плохо выглядишь! — решила сразу расставить все приоритеты. Я язва, и обижать меня не рекомендуется.

А зеленушный обиделся, сделал пару шагов вперед и, стукнув себя кулаком в грудь, гордо заявил:

— Я не зверь! Я с этим, как бишь его, энтеллектам. Вот!

А мне показался странным звук его шагов. Шлепающий какой-то. Опускаю глаза вниз и вижу... полный атас! У мужичонки вместо ног ласты! Не резиновые, а свои, природные. Ступни с длинными перепончатыми пальцами.

— Э-э-э, пойду я, пожалуй, какое-нибудь другое наказание попрошу, — попятилась в обеденный зал и... в кого-то врезалась. Медленно оборачиваюсь.

— Ох ты ж, где моя мини-юбка! — само как-то вырвалось.

Просто передо мной стоял такой парень, что у меня правый глаз — тот, который синий, — задергался. Да, у меня

глаза разные. Не в смысле, что один левый, а другой правый. Они по цвету разные. Левый — золотисто-карий, правый — насыщенно-голубой, а когда вот такого, как сейчас, представителя мужеского полу вижу, он становится синим. Сигнал подает, наверное.

— Да ты и без мини-юбки ничего, — заявил мужчина моей мечты, отодвинул меня в сторону и пошел на кухню.

— А вообще без всего — просто неотразима, — почему-то брякнула удаляющейся спине.

— Такое я не берусь утверждать, пока не проверю, — обернулся и подмигнул серебристо-серым, в обрамлении длинных черных ресниц, глазом.

Потом повернулся к кухаркам и выдал:

— Я опять накосячил, в помощь прислали. Колитесь, что у вас тут неподъемное перетаскивать нужно?

— И где у вас тут посуду моют? — бодренько потопала обратно.

— Посуды пока нету. Иди стулья снимать да столы протри. Тамара, дай ей таз и тряпку. А ты, Санек, горе ты наше луковое, топай в предбанник. Там муку и крупу подвезли. Чего куда складывать — сам знаешь, — распорядилась главная кухарка и, уперев кулачищи в необъятные бока, повернулась к зеленому чудику. — Дядька Лучко, мы как с тобой сговаривались? Ты мне рыбу, я тебе подкормку. Так чего пустой приперся? Нечисть ты болотная!

— Я озерная, — пробурчал чудик. — Давай подкормку, а я те завтра енттой рыбы во приволоку, — и рукой над своей косматой головенкой махнул. — Вы ж чего удумали, топить, знамо дело, запрещаете. А нам таперича, акромья рыбы-то, и жрать неча. А она ужо поперек горла. Гони корму, а то русалки на село пойдуть!

— Так у них же ног нету. Ты мне зубы-то не заговаривай, — не растерялась повариха, а потом вздохнула, махнула рукой и сжалилась: — Бери уже. По миру меня пустите, оглоеды. Коли завтра с утра рыбы не будет, ни крупинки больше не получишь. — И как гаркнет: — Санька, откинь там мешок перловки для дяди Лучко.

— Ой, спасибочки. Вот кормилица. Век не забуду, — начал, кланяясь, пятиться к двери по ходу водяной!

— И смотри мне, чтоб хорошо чищенная была! — погрозила пальцем тетка.

— Да как же ж, да обязательно. — И водяной ушел.

— Ну, чего встала? Айда столы тереть, кому говорю.

И я пошла тереть эти самые столы, думая, что Александр — одно из моих любимых имен.

Вышла в обеденный зал, обвела взглядом не меньше пятидесяти столов и подумала, что про запрет на магию в столовой мне ничего не говорили...

Побродила между столами, сняла пару стульев, потом зажмурилась и ка-а-ак рявкну:

— А ну, живо все на пол!

Послышался грохот, кряхтенье и оханье. Открыла левый глаз, потом правый, и опешила. Все стулья валялись на полу, некоторые стояли, но бóльшая часть позорно развалилась. А нечего рухлядь студентам подсовывать. Я, может, жизнь кому-то спасла. Вот так пришли бы, сели на стул, а он — бац и развалился. Ну, если не жизнь, то пятую точку уж точно! А с кухни опять слышались стоны. Побежала посмотреть, может, случилось чего. А там... красотищ-щ-ща! Поварихи лежали, распластавшись по полу, и шепотом переговаривались.

— Никак отшельники напали, — прошептала Тамара.

— Ить их за ногу! А в кухне-то они чего забыли? — ответила главная.

И тут в кухню влетел матерящийся Александр.

— Да пошли вы со своими мешками! Я лучше в мастерской отработаю или в хозблоке. Волшебники недоделанные! Опять... экспериментируют... уроды!

Парень был весь в муке и психовал основательно.

— Сашенька, миленький, чегостряслось-то? — с кряхтением отскребая свою немалую тушу от пола, повариха участливо посмотрела на пришибленного мукой.

— А это вы мне, тетя Маруся, скажите! Почему у вас тут все незакрепленные предметы ни с того ни с сего на пол валятся? И мешки, которые я в кладовую перемещал, кстати, тоже! Все, ищите себе другого помощника! — махнул рукой Сашка и вышел.

А я, вот дура, за ним побежала!

— Александр, подожди. А что случилось-то? — схватила парня за рукав, извадюкалась в муке и отпустила.

— Сматываться отсюда надо. В этом отстойном училище постоянно всякие ущербные с колдовством химичат! — зло ответил теперь не такой уже и идеальный, как сначала показалось, студент. Но, даже присыпанный мукой, он выглядел очень аппетитно.

Опять меня не туда понесло!

— Так что с тобой-то произошло? — напомнила свой вопрос.

— Мешки с мукой левитировал, а в это время нестабильным заклинанием накрыло. Вот меня к полу и придавило... мешками. Опять ведуны выпендриваются, заклятия придумывают, дебилы! — прошипел парень. — Меня, кстати, Лексом все называют, а тебя как зовут?

— Сита. А ты не с ведического?

— Нет, я кинетик и к этим убогим никакого отношения не имею.

Вот козел! Исподлобья глянула на парнокопытного и прорычала:

— А я ведьма.

— Не повезло, — заявил козлинка и ушел.

Ну и фиг с ним! Главное, что, кажется, никто не понял, что это я колданула!

Рано обрадовалась. В дверях столовой стоял куратор, тот самый, который, скорее всего, ведьмак.

— Кумпарсита, можно тебя на минуточку? — дружелюбно проговорил старик. Вот только мне показалось или у старикашки в голоске молодецкие нотки прорезались?

А он прокашлялся, и уже скрипучим, действительно старческим голосом поторопил:

— Я жду. А в моем возрасте это непозволительная роскошь.

— А сколько вам лет? — прищурилась, как следачка из сериала.

— Мужчины, как и женщины, не любят отвечать на такие вопросы, — усмехнулся куратор и сделал приглашающий жест в столовую.

Ага, проходи, мол, сейчас я тебе мозг выносить буду. Но деваться-то некуда, пошла.

Села на один из уцелевших стульев и уставилась на дедулю.

— Ты мне вот что скажи, ты специально диверсии устраиваешь? Неужели полагаешь, что тебя отправят домой, чтобы не надоедала? — ехидно спросил куратор.

— А что, не отпустят? — с надеждой посмотрела в темно-синие глаза. Они же вроде мутно-серыми были. Ничего не понимаю.

— Я могу тебе со стопроцентной уверенностью заявить, что ты будешь здесь учиться! Год как минимум. А то и все три, — заявил вредный старикашка.

— Это не вам решать, — пробурчала, уткнувшись взглядом в пол, — а директору.

— И директор тебя точно не отпустит, потому как я и есть новый директор сего балагана, — прозвучало у меня над головой.

Вскинула голову и в который раз уже за сегодня обалдела.

— Ох ты ж, где моя... — Ух, вовремя язык прикусила.

— Мини-юбка? — приподнял черную бровь директор.

— Ну и поучись. Чего ж не поучиться-то? — радостно заявила вся такая счастливая я.

Да у такого директора я чему угодно готова учиться. У меня глаза сейчас, наверное, как у мультяшной пигалицы, в форме сердечек. Стоит весь такой, как праздничный торт. Съесть охота. Черные брючки со стрелочками, модельные лакированные туфли, белая рубашечка с приветом из восемнадцатого века, то бишь запонками, и верхние три пуговики расстегнуты. Так, что у нас дальше? Надо закрепить, так сказать, образ, чтобы, когда сниться будет, все правдоподобно было. Узкие бедра, широкие плечи. Так захотелось попросить, чтоб рубашечку до конца расстегнул. Там же наверняка кубики на животике. Сглотнула набежавшую слюну и продолжила изучение. Небольшая ямочка на широком подбородке, нормальные такие губы, не тонкие, но и не пухлые. Только кривятся — ага, сдерживаемся, значит, чтобы не заржать. Сама знаю, что разглядываю тебя, как сбрендивший филателист вожаделенную марку под лупой изучает. Ладно, это все мело-

чи. Главное, «отсканировать» вкусяшку для снов неправедных. Нос у нас прямой, на мой вкус, немного островат, но на фоне всего остального это можно засчитать как изюминку. Глаза, мм. Глазки у нас темно-синие, вот прям как мой правый, когда на таких самцов реагирует. И реснички с бровками идеальные. А на голове густая смоляно-черная шевелюра. И на лоб парочка прядок падает. Чувствую, что сейчас растаю и стеку тонкой струйкой со стула на пол.

А она, мечта то есть, стоит, улыбается и молчит.

— Все! Я прониклась, пошли! — заявила, отрывая свою раненную в самое сердце тушку от скрипучего стула.

— Куда? — изогнул бровь, как голливудский актер, директор моего сердца, печени и прочего ливера.

— Учиться! — Да, я девушка сообразительная, но что-то кажется мне, не о том я сейчас соображаю.

А он и вторую бровку задрал и спрашивает:

— Чему?

— Ой, да чему угодно! — не выдержала накала страстей бедная, неразвращенная, но очень в данный момент об этом мечтающая ведьма.

Вспомнилась попсовая песенка на тему «забирай меня скорей, увози за сто морей, а там делай со мной все, что хочешь, потому как мне уже все можно».

— Может, сначала документы оформим? — предложил директор моей мечты.

У меня почему-то перед глазами загс замаячил и плакат «Совет да любовь».

— Оформим, — согласилась, срываясь на хриплый шепот.

И этот Аполлон моей жизни галантно предложил мне руку. Все, я здесь и отучусь, и работать потом останусь. А что? Природа, свежий воздух... и ОН. Все, директор, ты попал!

Пришли мы в преподавательскую, как та прогуливающаяся по парку парочка, под ручку. Моя мечта улыбается постоянно. А я — так вообще скалюсь, будто пальчики в розетку таки удалось запихать. Секретарша сначала не поняла, кто это вообще такой, а как дошло, тоже вся слюной изошла. И не смотрите, что тете полтинник как минимум. На меня с

такой завистью смотрела, что любая молоденькая стерва от этой самой зависти умерла бы.

— Ирина Алексеевна, будьте любезны приготовить документы госпожи Кумпарситы на зачисление, — обворожительно улыбаясь, проговорил директор, уводя меня из приемной в свой кабинет. Я шла, как собачонка на привязи, а когда секретарша прокричала вслед: «Сию минуту, Роман Любомирович», — чуть не застонала, продекламировав про себя: «Роман, ты герой моего романа!»

А герой подвел меня к своему столу и усадил на стул для посетителей.

— Чай, кофе? — вежливо предложил Роман.

— Потанцуем, — брякнула на автомате.

Опять взлетевшая вверх бровь.

— Спасибо, я не пью. — Опять что-то не то сказала!

Ситуацию спасла принеся документы и бланки Алексеевна.

— Вот, Роман Любомирович, все уже давно готово, — залезила тетка. — Чай, кофе не желаете?

— Мы не пьем, — усмехнулся директор и отпустил явно не желающую уходить тетку восвояси, то бишь в приемную.

Потом я как зомби писала под диктовку склонившегося у меня над плечом и наговаривающего прямо на ухо текст заявления директора. Когда написала и поставила везде, где сказали, подписи, бумажки у меня изъяли, изучили и ласково так произнесли:

— Ну вот, а говорила, не будешь учиться. А теперь, будь добра, иди в столовую и помоги убрать учиненный тобой же беспорядок. Ты свободна, Сита.

А я сижу и понимаю, что уходить не хочу! А еще понимаю, что директор воспользовался моим состоянием аффекта, и я подписала целую кучу непонятно чего.

— Сита, тебя проводить? — уже настойчивее проговорил Роман.

— А? Нет, я еще немного посижу, — и продолжаю пялиться на него, как на торт.

— Быстро в столовую! — рывкнул мужчина моей мечты.

Но меня даже это не проняло. Пусть кричит, главное, что рядом.

— Господи, я уже жалею, что не отправил тебя домой, — простонал директор, упал в свое директорское кресло и прикрыл глаза рукой.

И я обиделась, но любоваться мечтой продолжила. А потом жалко его стало.

Пробурчала:

— Ну ладно, посидели, и будет. Пора и честь знать. Пойду я... в общагу, — и замерла в ожидании реакции.

— Иди, — махнул рукой директор.

Во-о-от, так-то лучше! А то заладил, столовая да столовая.

Счастливая вернулась в общагу. На входе встретился тот самый щеголь, которого с утра по стеночке размазала. Злобно прошипел: «Ведьма», — и обошел стороной.

— Да, я такая, — гордо ответила ведьма и, напевая под нос: «О боже, какой мужчина...», легко взбежала по лестнице.

А там, между третьим и четвертым этажами, восседая на подоконнике, как на троне, и дымя розовой дамской сигаретой с противным, долженствующим имитировать клубничный, запахом, царствовала КрЫстина.

— Ты еще здесь? — неподдельно удивилась она.

— Ага. — Мне стало совсем весело. — Я здесь надолго. Буду личную жизнь устраивать. Вот!

— Размечталась. Он мой, — прошипела рыжая. — А ты отсюда вылетишь, как только новый директор приедет.

— О как! А кто твой-то? — Хоть какое-то развлечение, пока Романа моего романа на горизонте нет.

— Артем! И если ты еще хоть раз к нему подойдешь, я тебя уничтожу.

Фу. У нее даже лицо от злости почернело.

— А Артем — это кто? — спросила громким шепотом у одной из прихлебательниц.

Девушка покосилась на королеву и тоже шепотом ответила:

— Тот, которого ты на лестнице покалечила.

— Тью, да больно он мне нужен! И никого я не калечила. Он вполне бодренько сейчас меня стороночкой в фойе обходил. А на нового директора ты не надейся. Я вот тоже на него

надеялась. Так нет же, не отпустил! Пусть, говорит, в этом балагане будет хоть одна красавица мне глаз радовать.

И продолжая напевать, пошла в свою комнату.

Ося показываться не хотел, но у меня и без этой хохмы в семейниках настроение было преотличное. Переделалась в любимые шорты и маечку, включила плеер и решила обустроить себе гнездышко. Сначала совершила коварное нападение на завхоза. Без труда нашла его каморку, вдоволь повеселилась, прочитав громкую надпись «Офис-менеджер» на двери, и, стукнув пару раз, ввалилась в помещение. Дядечка оказался вполне вменяемым, после недолгих уговоров и требований мне выделили ведро, приличный кусок ветоши, пару сносных покрывал и даже вполне еще презентабельные шторы. Поблагодарив дядю Гришу, сгрэбла полученное и потопала на пятый этаж. К третьему веселья как-то поубавилось, но наши не сдаются! Доползла, повалилась на кровати, тихо матеря поселившую меня на такой верхотуре Алексеевну. И бодренько принялась за уборку. Везде протерла пыль, разложила все свое добро в узкий стенной шкаф, кажется, девчонки из РУДНовской общаги называли такие шкафы собачниками. Так вот, в моем собачнике было шаром покати. Нужно будет связаться с бабулей и попросить, чтобы она все, что мне нужно, передала.

В процессе мытья пола и перестановки немного разворотила стену. Махнула рукой на появившуюся под подоконником дыру и продолжила создавать порядок и уют. Завесила пустующую двухъярусную кровать большим покрывалом, спровадив на нее колченогие стулья, и повесила шторы. Обвела взглядом результаты трудов своих праведных и осталась довольна. Вот только сейчас дырку под окном шторочкой прикроем, и будет совсем уютненько. Нагнулась, поправляя край шторы, и замерла. В проломленной ножкой стола дыре что-то было! Простучала стену и поняла, что там приличный такой тайничок. Расковыряла дырку побольше и засунула туда руку. Там было несколько свертков и коробочек, но, чтобы вытащить их, мне придется всю стену под окном разломать.

Кажется, здесь раньше было что-то вроде холодильника. Дом-то старый, а раньше под окнами устраивали такие вот

холодные шкафчики. Надо бы распотрошить это хранилище и проверить, нет ли там чего-нибудь путного. Но не сейчас, сейчас я пойду в столовую. В животе уже урчало так, что через орущую в наушниках музыку слышно было.

По дороге в столовую встретила Надю, ее сестру Олю и еще двух девочек из их комнаты. Дальше шли все вместе, весело болтая и делясь впечатлениями по поводу училища.

— Я, когда увидела, что ворот нет, подумала — все, кранты «Ведунам»! Или отшельники напали, или прикрыли совсем, — проговорила Наташа. Улыбчивая девочка со второго курса с курносый носиком и красивыми, блестящими на солнце пшеничными волосами, почти до талии длиной.

Да, с моей шевелюрой не сравнить. У меня волнистые, постоянно лезущие в глаза патлы до лопаток, и цвет не пойми какой. Вроде, светлые, а как под дождь попаду или в реке искупаюсь — рыжими становятся. Да такими рыжими, что уже ни с каким цветом не спутать. Даже не рыжими, а оранжевыми. Как шкурка апельсиновая! Пока страдала от зависти к чужим прическам, дошли до столовой. Там-то я и отреагировала на высказывание по поводу ворот:

— Так их я того, приговорила. Стучала-стучала, а никто не открывал. Вот я и психанула слегка.

В набитой студентами столовой воцарилась гробовая тишина. «А стулья-то новые уже поставили», — подумала злобно. Значит, новая мебель в наличии имеется, только ее прячут от студентов, заставляя рухлядью пользоваться! Учтем, посмотрим еще, как в учебных корпусах с обстановочкой дела обстоят.

Осмотрелась и поняла, что здесь какой-то непонятный переполох... и похоже, что из-за моей персоны. Просто вокруг меня образовалась приличная такая зона отчуждения. Только Надя отошла на пару шагов, а остальные на все десять отбежали.

— Это ты сейчас так пошутила, да? — опасливо поглядывая на меня, спросила Надя.

— Насчет чего? — Я, если честно, и забыла уже, о чем мы болтали.

— Насчет ворот! — Надька почему-то сорвалась на визг.

— А что с воротами? Старые были, я их пнула слегка, вот

они и развалились... совсем. А что такого-то? Туда им и дорога, рухляди прикуветной.

— Сита, — прошептала подружка. — Это же был неразрушимый артефакт. Их вообще разрушить или открыть без дозволения хозяина невозможно было.

— Так откуда ж я знала-то? — пожала плечами. — Табличку бы хоть какую-нибудь повесили.

Что-то затрещало, потом зашипело, и все посмотрели наверх. Над раздаточным столом обнаружился допотопный громкоговоритель. Он-то, хрипя и поскрипывая, и выдал плохо узнаваемым голосом Ирины Алексеевны:

— Студентка Беглая, в кабинет директора.

Да, вот такая у меня фамилия. Бабушка рассказывала, что еще в царские времена один из наших предков был беглым каторжником, вот и прицепилось, как говорится. Я еще тогда порадовалась, что всего лишь Беглая, а не Каторжная какая-нибудь.

Все начали озираться в поисках вызванной студентки. А я шмыгнула к двери и не побежала, полетела к своей мечте на ковер. Интересно, я опять чего-то натворила или он просто по мне соскучился? Второе, конечно, предпочтительнее, но первое — вероятнее.

Алексеевна грозно глянула и, противненько улыбаясь, прошептала:

— Плохо начинаешь, Беглая. Ох нелегко тебе будет у нас. Ох намучаешься.

— Это вряд ли! Скорее вы со мной! — радостно улыбнулась и без стука распахнула дверь. — Вызывали?

Роман моих грез сидел на подоконнике и хлестал колу из банки! От моего зычного «вызывали» директор моего сердца подавился, закашлялся и сдавил банку. Напиток с пеной и шипением полез наружу, обливая руку и брюки мужчины.

— Могу постирать, — невинно предложила, картинно ковыряя пол носком шлепанца.

— Кумпарс-с-сита, — прошипел директор не хуже той колы. Ну и как тут учиться? Он даже мое бредовое имя так эротично шипит, что оно мне нравится начинать!

— Да-да, я вся ва... вас внимательно слушаю, — захлопала ресницами, как бабочка крылышками... бьяк-бьяк-бьяк-бьяк.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Не родись... в общем, не родись, а коли родился — мучайся!	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Ученье — свет, а темнота — друг молодежи	158
<i>Эпilog</i>	274